

Категория «правонарушение» в теоретико-правовых взглядах В. С. Соловьева

Аннотация. В статье исследуются становление и развитие категории правонарушения в воззрениях В. С. Соловьева. Анализируется формирование прообраза неправомерного поведения в рамках первобытной общины в контексте зарождения обычая кровной мести. На примере Русской Правды рассматривается соотношение частноправовых и публично-правовых начал в понятии правонарушения. На основе анализа основных трудов В. С. Соловьева формулируется вывод о значении его теоретико-правовых представлений для юридической науки. По мнению автора, глубокие, научно обоснованные выводы, безусловно, обогатили не только отечественную, но и мировую теоретико-правовую мысль, исследующую генезис, современное состояние и пути дальнейшего развития категории правонарушения.

Ключевые слова. Правонарушение, монономы, обычай кровной мести.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.84.11.029-036

История мировой научной мысли не знает ни одного философа, политико-правового мыслителя или государствоведа, который в своих мировоззренческих изысканиях не затрагивал бы проблематику человека и вопросов общественной жизни. Разумеется, основу этих взглядов заложили представители философской науки, для которой значение этих вопросов невозможно переоценить. Как справедливо отмечает В. М. Артемов, «именно человеческая проблематика выступает своеобразным ключом ко всей философии, всем ее историческим этапам и основным разделам. Это связано с тем, что рефлексивная природа философии в целом предполагает сугубо человеческую устремленность в глубины собственного мира»¹. Попытки осмыслить бытие чело-

века и его место в обществе предпринимались еще в Античности. Так, Сократ, который, по сути, заложил традицию антропоцентризма, рассматривал человека как нравственное существо, познающее самого себя. В свою очередь, Аристотель понимал человека как политическое (общественное) животное, которому присуща инстинктивная устремленность к «совместному сожительству», обусловленная «сознанием общей пользы»². Как мы видим, человек изначально рассматривался как органичная часть общества, включенная в систему социальных связей и отношений.

Средневековая философия по вполне понятным причинам сделала крен в сторону религиозно-мистического понимания человека, предопределенности его бытия божественным

¹ Контуры научной школы. Нравственность, свобода, право: пути сближения. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С. 4.

² См.: Философия: Часть первая: История философии: учеб. пособие / под ред. В. И. Кириллова. М.: Юрист, 1998. С. 67, 78.

промыслом. Однако уже в эпоху Возрождения и, особенно, в Новое время на первый план выходят творческая сущность человека, его познавательные возможности, появляются развитые политико-правовые учения. Проблему человека и его общественной жизни можно признать всеобъемлющей и самоценной применительно и к современному этапу в развитии общества и государства.

Сегодня каждый из нас ежедневно вступает в различные виды общественных отношений. Разумеется, социальная роль, степень активности и возможность достижения желаемых результатов различны. Однако всех членов социума объединяет осознание неизбежной необходимости вступать в общественные отношения. В. С. Прохоров пишет: «Жизнь общества — это реализация всей совокупности отношений между людьми, существующей в определенной формации. Каждая личность является участником тех или иных отношений, связана участием в них и творит их. Именно поэтому каждый поступок человека обретает социальную значимость, иначе говоря, соотносится с теми или иными звеньями общественных отношений»³. Вместе с тем общество вырабатывает определенные регуляторы человеческого поведения, несоблюдение которых не позволяет индивиду реализовывать субъективные права, отстаивать свои законные интересы и исполнять юридические обязанности. В системе этих социальных регуляторов особое место занимают нормы права, выступающие индикатором, позволяющим квалифицировать поведение члена общества как правомерное или противоправное, т.е. правонарушающее.

Правонарушение является тем социально-правовым явлением, которое сопровождает всю историю человеческого общества, начиная от ранних этапов образования государства до сегодняшних дней. Какие бы разумные и прогрессивные идеи социум ни вкладывал в содержание нормы права, она неизбежно с той или иной периодичностью в тех или иных масштабах будет нарушаться. Е. Л. Ковалева справедливо задается вопросом: «Действительно,

почему закон, казалось бы, принятый для общей пользы, воплотивший не раз обсужденные, наиболее разумные правила поведения, тем не менее нарушается?»⁴. Над объяснением этого парадокса по сей день бьются лучшие умы человечества.

В рамках разрешения этого вопроса феномен неправомерного поведения исследуется в различных контекстах. Анализу подвергаются понятие и признаки, состав, причины и условия, а также многие другие стороны правонарушения. Однако особое место здесь традиционно занимает теоретико-правовой анализ. Как справедливо отмечает авторитетный в этой области исследователь А. А. Гогин, «правонарушение является тем социальным явлением, которое на всем протяжении развития мировой цивилизации вызывало к себе пристальное внимание теоретико-правовой мысли»⁵. Действительно, собственно юридическому пониманию всегда предшествуют доктринальные взгляды исследователей, основанные на анализе общественно-исторической практики и несущие в себе печать мировоззрения общества на определенном историческом этапе развития.

Это общепризнанное обстоятельство нуждается в конкретной аргументации в виде анализа теоретико-правовых взглядов того или иного мыслителя. В данном случае целесообразно обратиться к творчеству великого русского философа Владимира Сергеевича Соловьева, одной из неоспоримых заслуг которого является исследование зарождения и развития категории правонарушения.

Отправным пунктом его учения следует признать формулировку определенности двоякого рода применительно к феномену правонарушения. Мыслитель полагал, что «во-первых, должно быть точно определено, какие именно деяния признаются недопустимыми посягательствами на жизненные нормы общества, или, другими словами, какие именно нормы подлежат принудительному правовому охранению, — так как многие и по существу весьма важные практические нормы, как то бытовые,

³ Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. С. 30.

⁴ Ковалева Е. Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 67.

⁵ Гогин А. А. Правонарушения: понятие, сущность, виды : монография. М. : Nota Bene, 2007. С. 5.

чисто нравственные, а в большинстве стран и религиозные, признаются делом внутреннего душевного интереса и свободного личного выбора и потому не подлежат принудительной юридической охране, а во-вторых, непременно должны быть определены мера и способ законной реакции, вызываемой каждым посягательством на охраненную норму»⁶.

С этой точкой зрения несомненно следует согласиться. Во-первых, правонарушение должно быть четко отграничено от правомерного поведения. Государство может вменить гражданину в вину совершение лишь того неправомерного деяния, которое четко и исчерпывающим образом сформулировано в императивной норме права, снабженной юридической санкцией.

Однако это осознание пришло не сразу. Нарушая логику хронологического изложения истории нашего государства с целью показать неприемлемое сегодня, расширительное толкование видов правонарушений, вспомним советское уголовное законодательство, предусматривающее аналогию закона. Речь идет о возможности применения к виновному ответственности за сходное преступление в случае, если совершенное им деяние не охватывалось конкретным составом. Это обеспечивало широту судебно-административных репрессий в отношении явных и тайных противников нового строя. Г. В. Швеков справедливо отмечал, что «законодательное формирование тех или иных составов преступлений определялось в первую очередь задачами подавления сопротивления свергнутых классов, задачами борьбы за укрепление и развитие социалистического строя»⁷.

Во-вторых, также более чем актуален другой аспект определенности. Каждый состав правонарушения должен не просто предусматривать законную реакцию общества и государства на его совершение, но и закреплять конкретную меру и вид этой реакции. Прообраз феномена правонарушения, согласно

представлениям В. С. Соловьева, зарождается уже в контексте родовой общины, явившейся предшественником государственно-организованного общества.

Разумеется, с позиции современного российского общества, отличающегося высокой технологичностью во всех сферах жизни и рационально продуманной логистикой функций и отношений, первобытная община воспринимается как нечто далекое и глубоко архаичное. Вместе с тем в рамках этого локального сообщества людей уже зарождаются институты власти, носившие потестарный характер, т.е. основанные на авторитете. Происходит постепенный переход от присваивающей экономики к производящей, что, в свою очередь, стало отправной точной для процесса государствообразования. Возникают первые социальные регуляторы в форме запретов, обязываний и дозволений. Нарушение запретов и обязываний можно признать аналогом правонарушения, так как виновный подвергался наказанию вплоть до изгнания из общины, что означало верную смерть.

Анализируя систему социального регулирования, сложившуюся в рамках первобытной общины, ученые сформулировали гипотезу о мононормах, т.е. единых, нерасчлененных правилах поведения, регулировавших жизнь и быт первобытного человека (В. П. Алексеев, А. И. Першиц)⁸. Т. В. Кашанина, отмечая неразвитое сознание первобытного человека и отсутствие первобытных исследователей, пишет: «Следовательно, никаких “мононорм” в первобытном обществе в том понимании, которое предлагают уважаемые авторы-историки, не существовало»⁹. Г. В. Мальцев считает, что это не исчезнувшее явление первобытной культуры, а вполне реальный современный феномен¹⁰. Ученый обосновывает свое убеждение существованием общечеловеческих императивов, таких как «не убий», «не укради», «не лги» и т.п. Можно предположить, что учение о мононормах — это действительно современ-

⁶ Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. С. 46.

⁷ Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1970. С. 68.

⁸ См.: Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М., 1990. С. 204.

⁹ Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы : учеб. пособие. М. : Юрист, 1999. С. 214—215.

¹⁰ Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М. : РАГС, 2001. С. 32.

ная интерпретация ученых и подобных представлений у людей в рамках догосударственного этапа еще не было.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие норм права, поведение первобытного человека, несомненно, подчинялось определенным регуляторам, существующим в сознании членов общины. Это лишний раз говорит о том, что праву предшествовала и предшествует нравственность, которая находит свое фактическое воплощение прежде всего в духовной сфере жизни общества. Сегодня нравственность и право представляют собой социальные регуляторы, которые не только взаимодействуют, но и взаимодополняют друг друга. Неразрывность этих социальных регуляторов можно наглядно проиллюстрировать точкой зрения В. М. Артемова, который пишет: «Нравственность спасительна для права, но и право, если оно, что называется, на высоте, способствует ее укреплению. Речь идет не только о будущем, но и о настоящем. Более того, именно последнее готовит почву для будущего. В противном случае ситуация может ухудшиться, ибо добро, в отличие от зла, не воспроизводится автоматически, а требует постоянных и каждодневных усилий»¹¹.

Первобытный человек находился в абсолютной зависимости от общины. В первую очередь это касалось вопроса разделения труда. Как справедливо отмечал К. Маркс, «первобытный тип коллективного производства был результатом слабости отдельной личности»¹². Однако это лишь одна сторона зависимости индивида от общины. Вторую и главную составляющую четко формулирует В. С. Соловьев, который пишет: «Но дикий человек (и это еще не составляет его отличия от многих существ низшей природы) не живет обыкновенно в одиночку, а принадлежит к какой-нибудь общественной группе — роду, клану, шайке. Поэтому при встрече его с врагом дело не кончается результатом единоборства. Убийство или другая обида, понесенная одним из членов группы, ощущается всей ее совокупностью и вызывает общее чувство мстительности»¹³. Философ

вплотную подходит к пониманию истоков права в контексте природных инстинктивных отношений, проявления которых очень близки к царству животных. Можно предположить, что мыслитель проводит недвусмысленную параллель, заключающуюся в том, что группа животных, несомненно, будет мстить за посягательство на своих членов со стороны других живых организмов.

Точно так же первобытная община оберегала своих членов, что нашло свое выражение в обычае кровной мести. Это явление широко известно истории и в том или ином виде сохраняется до сих пор. Законодатель в различных странах мира уже на начальном этапе существования государства стремился минимизировать последствия этого обычая. Ограничивался круг лиц, которые могли мстить (близкие родственники), а в случае их нежелания мстить виновный выплачивал денежную компенсацию. Опасность обычая кровной мести очевидна. Сам В. С. Соловьев отмечает, что «обороняя своего, род или класс обороняет себя; мстя за своего, он мстит за себя. Но и обидчика по тому же побуждению защищает его род или клан. Единичные столкновения переходят, таким образом, в войну целых сообществ»¹⁴. Подавление обычая кровной мести и естественный процесс развития первобытной общины способствуют образованию государства.

Осмысление вопроса возникновения государства имеет длительную историю. Этот вопрос находил свое освещение в трудах классиков античной философской мысли. В дальнейшем большой вклад здесь внесли Гоббс, Руссо, Локк и Монтескье. Были сформулированы теории происхождения государства, а также проанализированы факторы, обусловившие начало процесса государственного строительства. Принципиально важная тенденция наблюдается и в области права.

В. С. Соловьев пишет: «С основанием государства возникает не существовавшее прежде различие между публичным и частным правом, особенно ясно в области права уголовного»¹⁵.

¹¹ Контурсы научной школы. Нравственность, свобода, право: пути сближения. С. 88.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политическая литература, 1965. Т. 37. С. 681.

¹³ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 47.

¹⁴ Указ. соч. С. 48.

¹⁵ Указ. соч. С. 51.

Размышляя в рамках отечественной теоретико-правовой мысли, нам следует искать подтверждение этого тезиса в контексте памятников российского права. Начальный этап развития российской государственности неразрывно связан с Русской Правдой, значение которой наиболее удачно выразил С. В. Юшков: «Всеми осознано громадное значение этого памятника не только для установления основных моментов в развитии права Киевской Руси, но и для установления основных черт ее общественно-экономического строя»¹⁶. Следует отметить, что существует позиция, согласно которой проецирование современных методов познания государственно-правовых явлений на древнерусское государство и право недопустимо¹⁷. Эту точку зрения вполне возможно научно обосновать.

Исследователи древнерусского государства и права пришли к выводу, что общество того периода четко делилось на господствующий класс и феодально-зависимое население. Следовательно, право не могло в равной мере защищать интересы всех слоев населения. Русская Правда закрепила диаметрально противоположные меры ответственности за убийства княжих мужей и простолюдинов. Разумеется, при таких конкретно исторических условиях необходимо было бы выделять уголовное право феодалов и уголовное право зависимого населения, что абсурдно. Аналогичный вывод напрашивается применительно к анализу зарождавшихся отраслей гражданского, наследственного и земельного права. Однако согласиться с данной точкой зрения в полной мере нельзя, так как именно использование современных достижений юридической науки позволяет глубже проникнуть в суть норм Русской Правды, вывести понятие и состав правонарушения, а также классифицировать нормы кодекса по отраслям.

Четкое разграничение права на частное и публичное, упомянутое В. С. Соловьевым, можно увидеть в контексте мер ответственности. Кодекс четко дифференцировал наказания

в зависимости от социального статуса потерпевшего в случае убийства или причинения вреда здоровью. Данный законодательный прием в целом характерен для памятников права периода раннего феодализма. Еще одной стороной разграничения права на частное и публичное стоит признать само понимание правонарушения, в котором преобладал элемент обиды частного лица.

В. С. Соловьев пишет: «На этой стадии развития государственности все нарушения телесной и имущественной неприкосновенности частных лиц рассматриваются собственно не как преступления, а как личные ссоры, за правильным исходом которых надзирает публичная власть»¹⁸. Вместе с тем размер штрафа в пользу публичной власти в несколько раз превышал размер возмещения ущерба потерпевшему. Можно отметить, что государство не просто надзидало за правильным исходом частных ссор, а регламентировало этот процесс в своих интересах. На примере Русской Правды этот интерес заключался в дополнительном источнике для наполнения казны. По мнению В. С. Соловьева, публичная власть непосредственно реагировала только на политические преступления. Ввиду того, что речь идет о ранних этапах существования государства, когда органы власти еще четко не выделены, этот вопрос видится спорным.

Как справедливо отмечает Е. Л. Поцелуев, «в договорах Руси с Византией 911, 944 (945) годов и в Русской Правде фигурируют только преступления против жизни и здоровья, имущества, но нет ни политических (государственных), ни религиозных преступлений; поиск виновных — дело потерпевших и их родственников, общинников, т.е., действительно, можно констатировать частный характер преступлений; не случайно в Русской Правде под преступлением понималась обида»¹⁹. Эту точку зрения поддерживает Ю. П. Титов, мотивируя это общим пониманием деяния как обиды и неразвитостью государственного аппарата²⁰. Эта, на первый взгляд, очевидная по-

¹⁶ Юшков С. В. Русская Правда: происхождение, источники и ее значение. М. : Зерцало-М, 2002. С. 3.

¹⁷ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 5.

¹⁸ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 53.

¹⁹ Поцелуев Е. Л. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.). Иваново, 2004. С. 66—67.

²⁰ См.: Титов Ю. П. История государства и права России. М. : Проспект, 2012. С. 28.

зация нуждается в уточнении. Дело в том, что князья в древнерусском обществе обладали широким кругом административно-судебных полномочий и фактически осуществляли государственную власть и управление обществом. С. В. Юшков пишет: «В рассматриваемый период еще не возникло у правящей верхушки и у широких народных масс абстрактного представления о государстве и о государственной власти. Не могло также возникнуть и представление о преступлениях против государства. В это время всякие преступления против государства понимались как посягательства против княжеской власти»²¹. Таким образом, правонарушение в государственно-организованном обществе никогда не понималось сугубо как обида, и всегда существовал прообраз государственной власти как объекта правонарушения.

Анализируя феномен правонарушения в контексте начального этапа существования государства, В. С. Соловьев приходит к выводу, что вплоть до наших дней сущностная природа этого социально-правового явления не претерпела качественных изменений. Мыслитель пишет: «Преступление понималось как обида или враждебное действие, требующее отплаты, преступник был враг, и наказание — кровная месть. Сначала истинным объектом обиды, а следовательно, и мстителем был род, а затем, после временного и неустойчивого переходного момента денежных композиций, его заменило государство»²². Разницу же он усматривает в том, что на начальном этапе род просто убивал обидчика, что вело к нескончаемым войнам, а в государственную эпоху акт отмщения трансформировался в уголовный процесс. Рассматривая эту точку зрения, нельзя не отметить, что и сегодня государственный аппарат принуждения в некотором роде осуществляет акт мести в отношении виновного посредством применения к нему наказания. Потерпевший или его родственники имеют возможность взыскать компенсацию с виновного, т.е. возместить ущерб.

В. С. Соловьев идет дальше и намечает некий прообраз отдельных элементов состава правонарушения. Философ пишет: «Преступление, по-прежнему понимаемое вообще как враждебное действие или обида, разлагается умственно на свои элементы, причем особенно выделяется сторона субъективная, или личная, прежде оставшаяся совершенно в тени. Теперь преступление интересует главным образом как проявление враждебной нормальному обществу, противозаконной злой воли данного лица»²³. Как мы видим, В. С. Соловьев совершенно справедливо фиксирует момент понимания обществом важности не только внешнего проявления противоправного поведения, но и внутренней стороны правонарушителя. Это очень важно в современных условиях, так как зачастую то или иное деяние, внешне обладая признаками состава правонарушения, тем не менее может быть квалифицировано как правомерное поведение. Даже сегодня правоприменитель, учитывая теоретико-правовые концепции и располагая кодифицированным законодательством, зачастую испытывает трудности с раскрытием внутренней стороны правонарушения. Н. Н. Вопленко, характеризуя субъективную сторону состава правонарушения, пишет: «Это достаточно сложное профессионально-юридическое понятие, требующее от юристов теоретических знаний, навыков и умения анализировать психологическое отношение правонарушителя к результатам своего поведения. Оно позволяет грамотно квалифицировать совершенное правонарушение и индивидуализировать меры юридической ответственности»²⁴. Как мы видим, отмеченная В. С. Соловьевым злая воля правонарушителя и по сей день является самым сложным для понимания элементом противоправного деяния, устанавливаемым и учитываемым в каждом конкретном случае.

В предисловии к своему выдающемуся труду «Право и нравственность» философ писал: «Философия права, в которую входит предмет моего трактата, есть одна из философских дисциплин,

²¹ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. : Госюриздат, 1949. С. 509.

²² Соловьев В. С. Указ. соч. С. 55.

²³ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 56—57.

²⁴ Вопленко Н. Н. Правонарушение и юридическая ответственность. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. С. 46.

примыкающая к этике или нравственной философии (в прикладной ее части). Вот формальное основание, по которому я, не будучи юристом, считаю себя вправе говорить о праве»²⁵. Владимир Сергеевич в этом тезисе тактично минимизировал свою значимость как исследователя

юридической науки. На самом деле его глубокие, научно обоснованные выводы, безусловно, обогатили не только отечественную, но и мировую теоретико-правовую мысль, исследующую генезис, современное состояние и пути дальнейшего развития категории правонарушения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. — М. : Высшая школа, 1990. — 318 с.
2. Волпенко Н. Н. Правонарушение и юридическая ответственность. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. — 136 с.
3. Гогин А. А. Правонарушения: понятие, сущность, виды : монография. — М. : Nota Bene, 2007. — 178 с.
4. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы : учеб. пособие. — М. : Юрист, 1999. — 335 с.
5. Ковалева Е. Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 288 с.
6. Контуры научной школы. Нравственность, свобода, право: пути сближения. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. — 146 с.
7. Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. — Пг., 1920. — 191 с.
8. Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. — М. : РАГС, 2001. — 189 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М. : Политическая литература. — Т. 37. — 599 с.
10. Поцелуев Е. Л. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.). — Иваново, 2004. — 156 с.
11. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. — 136 с.
12. Соловьев В. С. Право и нравственность. — Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. — 192 с.
13. Титов Ю. П. История государства и права России. — М. : Проспект, 2012. — 576 с.
14. Философия : Часть первая : История философии : учеб. пособие / под ред. В. И. Кириллова. — М. : Юрист, 1998. — 376 с.
15. Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс : учеб. пособие. — М. : Высшая школа, 1970. — 207 с.
16. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М. : Госюриздат, 1949. — 543 с.
17. Юшков С. В. Русская Правда: происхождение, источники и ее значение. — М. : Зерцало-М, 2002. — 352 с.

Материал поступил в редакцию 27 апреля 2017 г.

A CATEGORY OF "WRONGDOING" IN LEGAL AND THEORETICAL DOCTRINES OF VLADIMIR S. SOLOVYOV

YEGOROV Aleksandr Aleksandrovich — Postgraduate Student of the Department of the History of the State and Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
egorov.a90@mail.ru
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya, 9

Abstract. *The paper scrutinizes the emergence and development of a category "wrongdoing" in the doctrine of Vladimir S. Solovyov. The paper analyzes the formation of a pattern of a wrongful behavior in the primitive community in the context of the emergence of a blood feud. By the example of Russkaya Pravda, the author*

²⁵ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 5.

considers the interrelation between private law and public law foundations in the concept of "wrongdoing." Based on the analysis of main works by Vladimir S. Solovyev, the author draws a conclusion concerning the significance of his theoretical and legal beliefs for the legal science. In the author's view, thorough, scientifically grounded conclusions have certainly enriched not only the domestic legal and theoretical thought but also the world's theoretical and legal thought that examines the genesis, the current state and the ways for the further development of the category "wrongdoing."

Keywords: *wrongdoing, mononorms, a blood feud.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev V. P., Pershic A. I. Istorija pervobytnogo obshhestva. — M. : Vysshaja shkola, 1990. — 318 s.
2. Voplenko N. N. Pravonarushenie i juridicheskaja otvetstvennost'. — Volgograd : Izd-vo VolGU, 2005. — 136 s.
3. Gogin A. A. Pravonarushenija: ponjatie, sushhnost', vidy : monografija. — M. : Nota Bene, 2007. — 178 s.
4. Kashanina T. V. Proishozhdenie gosudarstva i prava. Sovremennye traktovki i novye podhody : ucheb. posobie. — M. : Jurist, 1999. — 335 s.
5. Kovaleva E. L. Pravomernoje i protivopravnoe povedenie: ih sootnoshenie : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2002. — 288 s.
6. Kontury nauchnoj shkoly. Nравstvennost', svoboda, pravo: puti sblizhenija. M. : Izdatel'skij centr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA), 2015. — 146 s.
7. Lappo-Danilevskij A. S. Oчерk russskoj diplomatiki chastnyh aktov. — Pg., 1920. — 191 s.
8. Mal'cev G. V. Pjat' lekcij o proishozhdenii i rannih formah prava i gosudarstva. — M. : RAGS, 2001. — 189 s.
9. Marks K., Jengel's F. Sochinenija. — M. : Politicheskaja literatura. — T. 37. — 599 s.
10. Poceluev E. L. Jevoljucija kategorii «pravonarushenie» v istorii zapadnoj i otechestvennoj juridicheskoy mysli (XVII — nachaloXX v.). — Ivanovo, 2004. — 156 s.
11. Prohorov V. S. Prestuplenie i otvetstvennost'. — L. : Izd-vo LGU, 1984. — 136 s.
12. Solov'ev V. S. Pravo i нравstvennost'. — Minsk : Harvest ; M. : AST, 2001. — 192 s.
13. Titov Ju. P. Istorija gosudarstva i prava Rossii. — M. : Prospekt, 2012. — 576 s.
14. Filosofija : Chast' pervaja : Istorija filosofii : ucheb. posobie / pod red. V. I. Kirillova. — M. : Jurist. 1998. — 376 s.
15. Shvekov G. V. Pervyj sovetskij ugolovnyj kodeks : ucheb. posobie. — M. : Vysshaja shkola, 1970. — 207 s.
16. Jushkov S. V. Obshhestvenno-politicheskij stroj i pravo Kievskogo gosudarstva. — M. : Gosjurizdat, 1949. — 543 s.
17. Jushkov S. V. Russkaja Pravda: proishozhdenie, istochniki i ee znachenie. — M. : Zercalo-M, 2002. — 352 s.